

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Психоаналитический акт, или Действия психоаналитика на службе у процесса субъективации

Б. Пено

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Пено Бернар – психиатр, тренинг-аналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества (1992), медицинский директор дневного стационара для подростков Серен Монсури (14-й округ Парижа) с 1988-го по 2004 год.

Признание активной роли психоаналитика в процессе лечения является необходимым условием для определения специфики психоаналитического акта, то есть того, что отличает психоанализ от других психотерапевтических подходов. В первую очередь важно учитывать, какие характерные черты, присущие психоаналитику, создают особые условия для начала анализа, когда аналитик предлагает себя как объект для переноса. Затем в процессе лечения он должен лавировать между, с одной стороны, необходимостью воспринимать, принимать и выносить перенос без предубеждения, с другой – должен в определенный момент быть способным интерпретировать перенос («опровергать»), для того чтобы сделать его субъективирующим и доступным для понимания пациента.

Ключевые слова: интерпретация, субъект, предположительно знающий, желание аналитика, перенос и контрперенос, аналитический процесс, субъективация.

Сегодня в гораздо большей степени, чем раньше, психоаналитики должны работать над тем, чтобы дать лучшее определение психоаналитическому акту. Это нужно для того, чтобы более точно объяснить специфику действий психоаналитика, отличающих психоанализ от других многочисленных психотерапевтических практик. Для этого необходимо также, чтобы психоаналитики начали признавать свое активное участие в процессе лечения, которое они осуществляют.

Следует отметить, что в течение долгого времени среди психоаналитиков существовала тенденция избегать того, чтобы признать значение, которым обладают действия психоаналитика, как если бы им было сложно взять на себя ответственность за свое активное участие.

Тем не менее на Конгрессе франкофонных психоаналитиков на тему «Психические изменения», который проходил в мае 2002 года в Брюсселе, я обрадовался и удивился, увидев, что мои уважаемые бельгийские коллеги без раздумий вынесли на первый план значимость активности психоаналитика в его работе (*Godfrind-Haber, 2002*). В первую очередь речь, конечно, идет о словах психоаналитика, о выборе, который он совершает между интерпретациями и молчанием. Кроме того, сюда входят в большей или меньшей степени проявленные поведенческие агирования и даже ошибочные действия. Такие агирования со стороны аналитика ни в коем случае не должны быть оставлены им без внимания. Аналитик не должен лишать себя возможности рассматривать свои агирования как ценные знаки, указывающие на процессы, которые могут проигрываться в переносе при работе с тем или иным сложным пациентом.

Ранее Жак Лакан уже предпринимал попытки концептуализировать это измерение – действий аналитика в его психоаналитической практике. В историческом контексте студенческих волнений в мае 1968 года (с тех пор прошло более полувека!) он выбрал для своего семинара этого года название «Психоаналитический акт». В первую очередь он также отталкивался от идеи о присутствии в работе психоаналитика такого измерения, как действие, что всегда и повсеместно не признавалось. «Его истинность [действия] остается завуалированной», – отмечает он. Он даже считает себя первым, кто открыто заговорил об этом.

И действительно, внутри психоаналитического движения знаменитая доброжелательная нейтральность скрыла под собой активное включение аналитика в процесс лечения, которое он осуществляет. Следует отметить, что сам Фрейд никогда нигде не говорил о нейтральности аналитика, он говорил только лишь о сдержанности и осторожности. Тем не менее в 1930-е годы он не принял интерактивные концепции Ференци, в которых, несмотря на это, черпает сейчас вдохновение влиятельное англосаксонское интересубъективное направление психоанализа.

Необходимо отметить, что большинство психоаналитиков XX века скорее имеют тенденцию избегать вопроса об их активном участии в терапевтическом процессе, как если бы они испытывали сложности этического порядка, признавая этот факт. Тем не менее превалирует мнение, что Фрейд во время аналитических сеансов в полной мере обеспечивал качество психоаналитического акта. Можно также отметить активную

тональность в его статьях, написанных между 1910 и 1918 годами и собранных воедино под названием «Заметки о психоаналитической технике», где Фрейд обозначает общий план практических действий, которые, по его мнению, должен осуществлять тот, кого он продолжает называть *врачом*.

В «Заметках о любви в переносе» (1914) Фрейд акцентирует внимание на том, что психоаналитику необходимо *использовать любовь в переносе*. Он рекомендует врачу-аналитику не только выдерживать любовный перенос со стороны пациентов (пациенток), но и использовать его во благо аналитической работы, конечно, ни в коем случае не отвечая на него. Интересно увидеть, какими словами Фрейд описывает эти процессы: «Требовать подавления влечения отказом от удовлетворения и сублимирования, когда пациентка созналась в своем любовном переносе, значило бы поступить не аналитически, а бессмысленно. Это было бы то же самое, как если бы специальными заклинаниями старались вызвать из преисподней духа, а затем, ни о чем его не спросив, отправили бы обратно. Ведь в таком случае довели бы вытесненное до сознания только для того, чтобы, испугавшись, снова его вытеснить» (Фрейд, 1914, с. 204).

Как бы то ни было, такое снисходительное отношение со стороны врача очевидно выглядит как нарушение правил, описанных Гиппократом, которые, как мы знаем, запрещают любые любовные связи врача со своим пациентом (пациенткой). Фрейд в данном случае защищает психоаналитическую этику и обозначает значимые границы между психоанализом и традиционной медицинской моралью, через это разделение он стремится к тому, чтобы еще точнее определить особенности психоаналитической практики, которые включают в том числе и использование любовного переноса и отказ от его подавления, равно как и отказ от совместного отреагирования.

Начиная с 1910 года в процессе концептуализации первой метапсихологии Фрейд также работал над определением психоаналитического акта, куда входили не только правила, регулирующие поведение терапевта, подобные правилам Гиппократа, но и характерные черты, отличающие психоанализ от других методов и практик, где объектом также выступала личность человека: воспитание, обучение, управление. Мы знаем, что Фрейд любил сравнивать профессию психоаналитика с другими профессиями, имеющими дело с субъективностью человека, которые он также называл *«невыносимыми»*. Таким образом, действия психоаналитика отличаются и от действий *воспитателя*, имеющего дело с нормами и моралью, и от действий *преподавателя*, который в основном передает уже существующие знания, и от действий *руководителя*, который отдает приказания.

Что касается активной стороны психоаналитической практики, Фрейд высказал свою позицию по этому вопросу в своем докладе, представленном на V Международном психоаналитическом конгрессе, который проходил в Будапеште в 1918 году после окончания войны. Казалось, что в это время психоаналитическая практика может возродиться в Европе, поэтому была выбрана актуальная тема «Пути психоаналитической терапии».

Фрейд ясно выразил свою поддержку идеям Ференци, который уже в то время делал акцент на *активности психоаналитика* и, более того, заявлял, что «*пассивное ожидание*» часто оказывается контрпродуктивным при работе с невротическими пациентами.

Но давайте сейчас вернемся к идеям, которых придерживался Лакан в 1968 году и которые он развивал на своем семинаре «Психоаналитический акт». В первую очередь он заявляет, что суть психоаналитического акта – «*произвести в чем-то коренной переворот*». В этом можно было бы, конечно, увидеть несколько оппортунистский способ Лакана переместить аналитическую практику в «хорошую сторону» протестных настроений, которые преобладали в этом году, особенно в среде молодежи. Но Лакан предлагает следующую идею: студенческие протесты, говорит он, пытаются «*выявить*» то, что было «*спрятано внутри университетских стен*». Он считает, что протестные движения мая 1968 года в первую очередь стремились выявить различные пагубные последствия научно-технического прогресса, ущерб, нанесенный экономической и социальной жизни, особенно все более и более сильная капиталистическая эксплуатация, которую можно было бы назвать десубъективирующей. Университеты, отмечает он, долгое время молчаливо потворствовали и обеспечивали прикрытие для этих процессов. Можно сказать, что настоящее *общество отрицания* официально поддерживалось вокруг пагубных эффектов достижений научно-технического прогресса. Подобное утаивание правды привело, по мнению Лакана, к тому, что тайное стало явным через *возвращение в реальное* баррикад и мостовых...

Интересно было бы отметить, что, обозначая таким образом нечто скрытое, которое неожиданно возвращается в конкретную реальность, Лакан обращается к словам, которые использовал Фрейд, описывая феномен переноса в психоаналитическом лечении (Фрейд, 1912). В первую очередь Фрейд говорит о переносе как о внезапном появлении в актуальной реальности сеанса какой-то неловкости, которая создает помехи для аналитической работы, поскольку пациент испытывает по отношению к аналитику чувства, которые приводят его в замешательство. Таким образом, с самого начала этот воображаемый феномен рассматривался как сопротивление, поскольку он становился препятствием для свободных ассоциаций пациента, более того, он мог даже прервать поток ассоциаций, создавая эффект ослепления.

Но более внимательно рассмотрев этот феномен, нарушающий равновесие, Фрейд очень быстро пришел к осознанию того, что на самом деле перенос является носителем важнейшей ключевой информации, перенесенной и смещенной из прошлого в настоящее терапевтических отношений, таким образом, исследование переноса может открыть доступ к драгоценной правде из личной истории пациента, которая была ему неизвестна. Фрейд заканчивает свою статью, посвященную переносу, следующими словами: «Нельзя отрицать, что преодоление феноменов переноса доставляет психоаналитику наибольшие трудности, но нельзя забывать, что именно они оказывают нам неоценимую услугу, делая скрытые и забытые любовные побуждения больного непосредственными и явными,

ибо, в конце концов, никого нельзя убить *in absentia* ("в отсутствие", лат.) или *in effigie* ("в воображении", лат.)» (Фрейд, 1912).

Таким образом, благодаря тому что перенос осознается и учитывается, аналитик может, по выражению Лакана, «*вцепиться в реальное*» сырого опыта пациента, что сделает возможным процесс его *субъективации*. В целом, если, согласно Лакану, психоаналитический акт обладает способностями «произвести в чем-то коренной переворот», это возможно лишь при условии, если аналитик знает, как использовать перенос, улавливать скрытый смысл, который он в себе несет, брать его в расчет и работать с ним.

Революционная позиция психоаналитика

Давайте сначала попробуем определить, какие именно составляющие позиции аналитика позволяют ему извлекать пользу из переноса, феномена, нарушающего равновесие процесса, и использовать его во благо пациента. Рассматривая историю научного прогресса, было бы интересно отметить, что особая субъективная позиция исследователя, которая может воодушевлять его в процессе работы, как правило, «забывается» по мере того, как полученные данные официально признаются в научном сообществе. Тем не менее мы видим, что современная физика все больше и больше берет в расчет воздействие *позиции наблюдателя* на наблюдаемые процессы, можно сказать, речь идет о совместном участии наблюдателя и наблюдаемого в возможных открытиях. С еще большим основанием такое отношение должно распространяться на гуманитарные науки (и, конечно, на психоаналитические наблюдения), чье развитие очень сильно зависит от субъективной позиции тех, кто продвигает науку вперед.

Можно сказать, что в своей работе Фрейд опирался на научную базу, выдвигая в качестве объекта то, что он описывал, используя выражение «жизнь души» (*Seelenleben*), отдавая дань философской традиции, не подразумевая, впрочем, при этом ничего сверхъестественного. В первую очередь речь идет о клиническом наблюдении всех движений и изменений этой «жизни души», благодаря которым можно понять условия (или предварительные условия) и законы, необходимые для развития нормального психического функционирования.

В результате этих исследований появился практический кадр «кресло-кушетка», который оказывает благоприятное воздействие на некоторые субъективные составляющие позиции аналитика, такие, например, как «свободно плавающее внимание».

И если принимать во внимание, что мы обычно обнаруживаем именно то, что ищем, особенно важно как можно лучше изучить субъективные составляющие (или правила), которые лежат в основе действий аналитика (Канестри, 2004). Это соотносится с тем, что Лакан называл «желанием аналитика», то есть качество его желания анализировать, то, что его мотивирует в процессе исследования, то, что он ожидает от анализа и какую пользу он рассчитывает из него извлечь.

Очевидно, что ожиданиям психоаналитика, согласно Лакану, предшествует феномен, который Фрейд обозначил как «контрперенос», а именно то, что аналитик почувствует в ответ на способ инвестировать его, который присущ тому или иному пациенту. Субъективные особенности аналитика, качество его желаний проводить анализ представляют собой скорее отправную точку, предложение, которое он делает пациенту (более или менее сознательно) его инвестировать. Это предложение в начале каждого аналитического случая обеспечивает условия, благодаря которым пациент может (или нет) успешно развивать перенос, через который проявляется материал из бессознательного.

Таким образом, развитие переноса, качество, позитивное или негативное, которое он примет, в большей степени зависят от способности аналитика принимать пациента и создавать благоприятные условия для начала работы. Эти факторы, определяющие субъективные составляющие позиции аналитика в начале терапии, во многом похожи на то, что происходит с младенцем после рождения: его родители ждут его, их отношение будет для ребенка одним из важнейших условий, влияющих на его способность стать субъектом. Отношение родителей, их поведение, способность с предвосхищением видеть в своем ребенке уже сформировавшегося субъекта создают базовые условия, разумеется, наряду с хорошей врожденной конституцией и физическим состоянием младенца, для его развития в качестве субъекта (Penot, 2001). Эта взаимосвязь уже давно доказана благодаря наблюдениям специалистов, которые изучали поведение детей, воспитанных в природе дикими зверями. Было замечено, что психическая жизнь этих детей оказалась крайне ограниченной.

Давайте зададим себе сейчас вопрос о том, какие составляющие могут лежать в основе «желания анализировать». Мне кажется, что кроме личных особенностей каждого аналитика сюда входят минимум три предпосылки, каждая из которых обладает своими собственными чертами и оказывает влияние на психоаналитическое приключение.

1) В первую очередь в начале каждого нового случая психоаналитического лечения есть ключевая цель – получить больше нового знания (Лакан говорит об этом, используя слова «больше ценности»). Это относится не только к пациенту. Поиск еще большего знания является также дополнительной выгодой аналитика, которая питает его усилия и, более того, позволяет ему выносить перенос. Мне кажется, на базе материалов, представленных аналитиками, защищающими свои клинические случаи, можно констатировать следующий факт: лечение будет по-настоящему успешным в том случае, если не только пациент, но и аналитик узнает и достигнет в процессе анализа чего-то нового, например прогресса в своем личном анализе, который, как мы знаем, является бесконечным у тех, кто выбрал психоанализ своей профессией...

2) Это ожидание получить больше знаний по факту предполагает, что аналитик рассматривает любое знание как недостаточное. Позиция аналитика представляет собой позицию настоящего исследователя, который в обязательном порядке считает, что любое полученное до этого знание является неполным, более того, он видит структурные недостатки в любой

сформировавшейся системе знаний. Таким образом, обязательным условием истинного психоаналитического подхода является освобождение от *догматизма* в виде представлений о своем всемогущем знании и тем более от *консерватизма* и фундаментализма. Очевидно, что психоаналитическое исследование только при соблюдении этих условий может претендовать на принадлежность к научному знанию.

3) Из этого следует, что динамика процесса лечения не может поддерживаться и развиваться за счет *объяснений*, которые может давать аналитик на основании *уже имеющихся* у него знаний. Напротив, динамика будет скорее зависеть от способности аналитика сохранять и поддерживать свое *желание проводить анализ*, иными словами, от поиска неизвестного знания аналитика о пациенте, о нем самом и о мире вокруг... Этим, возможно, объясняется удивительный успех, который мы часто можем наблюдать в работе начинающих аналитиков...

Поддержание динамики процесса

Но после того как процесс каждого отдельно взятого аналитического случая начал разворачиваться, аналитик не должен способствовать развитию трансформирующей динамики (революционной), за исключением способности сохранять в дальнейшем свою продолжающую оставаться двойственной позицию.

А) Действительно, тот факт, что аналитик предоставляет себя пациенту как субъекта, предположительно знающего (конечно же, не считая себя при этом таковым!), является механизмом, запускающим начало процесса. Благодаря своей позиции «Большого Другого, который хранит молчание», аналитик в самом начале способствует развитию переноса, который является необходимым условием для работы, давая при этом возможность пациенту «выбирать» подходящую для него форму, которую примет перенос: позитивный, негативный, агрессивный, эротический, зависимый, регрессивный и т. д.

Б) Но когда перенос устанавливается, какими бы при этом характеристиками он ни обладал, у психоаналитика появляется задача его постепенно раскрывать и анализировать таким образом, чтобы он стал заметным и доступным для понимания пациента. Интерпретативная речь аналитика обладает функцией прояснения, то есть речь идет о том, чтобы в большей или меньшей степени «разоблачить недоразумение переноса», который Фрейд (1912) вначале рассматривал как анахроническую «ложную связь», однако в дальнейшем перенос стал рассматриваться как обладающий особой ценностью знак, из которого аналитик должен извлекать пользу.

Можно ли в этом контексте сказать, что активность психоаналитика базируется на шатком фундаменте, необходимом для поддержания динамики процесса лечения? Фрейд (1906) дал прекрасную иллюстрацию подобного процесса в комментарии к пьесе Вильгельма Йенсена «Градива», который позволяет увидеть, что определенное нарушение равновесия (дестабилизация на уровне тела) оказывает положительное воздействие на

появление способности для движения вперед. Отсюда проистекает искусство нашей невозможной профессии, суть которой состоит в том, чтобы извлекать выгоду из неустойчивого положения, обеспечивающего динамику процесса.

Лакан был, несомненно, прав, утверждая, что психоаналитический акт в первую очередь включает способность аналитика «выдерживать перенос». Речь идет не только о том, чтобы испытывать на себе воздействие переноса, принимать его на себя или его выносить, но и о том, чтобы создавать благоприятные условия для развития переноса, следуя рекомендациям Фрейда, изложенным в статье «Любовь в переносе» (1914).

Действительно, первичная задача психоаналитика состоит в том, чтобы хорошо встречать и принимать перенос, который формирует каждый из пациентов, даже если речь идет о «негативном», враждебном переносе. Таким образом, аналитик, обладающий знаниями и опытом, необходимыми для понимания того, что может включать перенос, предлагает себя в качестве объекта для переноса пациента и использует этот материал для анализа. Очевидно, что, предлагая себя как «субъекта, предположительно знающего», в самом начале аналитик не знает, объект какого бессознательного наслаждения он станет воплощать для пациента. Может ли аналитик претендовать на обладание знаниями, которыми пациент еще не поделился? Таким образом, опыт переноса, в котором постепенно раскрывается информация, является компасом, который указывает психоаналитику направление в процессе психоаналитического путешествия...

Интерпретация психоаналитика как «опровержение»

В дальнейшем (семинар от 18 июня 1968 года) Лакан говорит о том, что «через свои действия аналитик реализует функцию предъявлять в процессе лечения опровержение».

Первичные действия аналитика, которые состоят в том, чтобы выносить перенос, на самом деле стремятся к тому, чтобы установить молчаливый сговор. Принятие того, что вновь актуализируется в переносе, не несет в себе никакого опровержения. В процессе лечения скорее проявляется симптом – носитель того, что будет в дальнейшем проанализировано, то, что Фрейд обозначил как «невроз переноса». Так называемый перенос, как мы уже сказали, вначале появляется как сопротивление, на первый взгляд похожее на непонятное затвердевание симптоматической массы, перенос вначале не является шифром, необходимым для разгадывания тайн. Эти тайны прояснятся в дальнейшем в процессе интерпретативной работы, по мере того как процесс проговаривания и надления смыслом станет доступным для понимания пациента. Именно вербальное распознавание и принятие сговора между пациентом и аналитиком в нужное время сделают возможным «опровержение», поскольку глагол «опровергать» буквально обозначает «освобождение от обмана». Опровержение, которое несет в себе интерпретация психоаналитика, проявляется только во втором этапе аналитического акта, когда аналитик

проясняет и прорабатывает перенос-симптом и поддерживаемый до этого времени молчаливый сговор.

Лакан говорит, что в данном случае речь идет о том, чтобы «проиграть что-то, что ваши действия будут опровергать». Он уточняет: это должно включать в себя «превращение какой-то части наслаждения в слова». Действительно, интерпретация переноса состоит в том, чтобы помочь пациенту отказаться от первичного наслаждения, присущего симптому, способствовать переходу от отреагирования в виде компульсивного повторения к получению выгоды от понимания. Это работа, которая требует от пациента отказа от прямого удовлетворения (мазохистического) ради того, чтобы получить доступ к преимуществам, полученным благодаря лучшему пониманию одновременно и анахронизма своего переноса («ложной связи», по словам Фрейда), и ценного заряда правды относительно личной истории, происхождения, становления пациента в качестве субъекта, который несет в себе перенос.

Из этого следует, что аналитик, для того чтобы хорошо проделывать эту работу по опровержению, должен показать себя способным лавировать между двумя рифами, я бы даже сказал, найти точку равновесия между двумя пропастями, падение в каждую из которых приведет к разрушению аналитического процесса.

1) Если интерпретировать (на самом деле опровергать) слишком быстро, без того чтобы принимать и выносить достаточное количество времени перенос, это может восприниматься пациентом как его неприятие (я не тот, кем вы меня считаете!), то есть отказ со стороны аналитика принимать то хорошее, что несет в себе перенос, направленный на него. Это приводит к тому, что пациент начинает рассматривать свое инвестирование аналитика через перенос как неуместное, не способствующее его личной проработке... и пациент поворачивается спиной к своему анализу.

2) И, напротив, если не интерпретировать перенос и продолжать его нести на своих плечах под предлогом того, что он приносит психотерапевтическую пользу, такой подход будет бесконечно поддерживать мистификацию процесса для пациента. Потворствующая пассивность аналитика приводит к тому, что перенос (и субъект, предположительно знающий) начинает ощущаться как принадлежащий к регистру реальности, и между аналитиком и пациентом продолжает поддерживаться сообщество отрицания. Винникотт (1962) сформулировал свое видение необходимости давать интерпретации: «Если я не делаю никаких интерпретаций, пациенту кажется, что я понимаю все».

Различные источники приводят нас к мысли о том, что, к сожалению, особая практика Лакана и его способ вести терапию не всегда содействовали достижению конечной цели – демистификации психоаналитического акта.

В императиве, провозглашенном Лаканом в 1953 году в Риме, содержались рекомендации принимать во внимание только лишь означающие пациента, что привело к тому, что он с этого момента начал воздерживаться от любых объяснений и прояснений переноса и от любых конструкций, предлагаемых пациенту. Отныне Лакан придерживался следующего

подхода: он «скандировал», произносил по слогам слова пациента, используя звукоподражательные слова, а также останавливал сеанс для того, чтобы таким образом оказывать воздействие на смысловые разрывы.

Нежелательные последствия подобной практики состояли в том, что перенос на аналитика в этом случае никогда не может быть интерпретирован как «опровержение», он лишь используется для того, чтобы в конечном итоге сделать пациента приверженцем своей школы... Действия психоаналитика не ограничиваются только лишь тем, что он выдерживает перенос, аналитик должен помочь пациенту получить новые знания о себе, способствовать субъективации, которая обеспечит ему ощущение более наполненного существования.

Именно благодаря этому психоаналитический процесс можно назвать действиями по демистификации, в данном аспекте психоаналитический подход приближен к научному, как этого и желал Фрейд. Мы можем лишь сожалеть о том, что эвристический подход Лакана заменился в итоге практикой, которая избегала истинного объяснения переноса и, следовательно, присваивания этого знания пациенту, субъективации опыта.

И все же не следует умалять заслуги Лакана, который ввел понятие субъективации, которая является истинной целью, направляющей действия психоаналитика.

Субъективация – комплексный природный объект

Термин «субъективация» появился в виде неологизма, придуманного сюрреалистами, в период между Первой и Второй мировыми войнами. Первым этот термин употребил Андре Бретон в своей автобиографической книге «Надя» (1928). Лакан, который часто бывал в кругу сюрреалистов в 1930-е годы, был первым психоаналитиком, использовавшим это слово в своих послевоенных «Психоаналитических сочинениях». Сначала термин появился в тексте «Агрессивность в психоанализе», представленном в 1948 году на X Конгрессе франкоязычных психоаналитиков в Брюсселе (CPLF), где он говорил о том, как «субъективировать свою смерть». Затем он затрагивает тему драмы, которой для каждого человека является «субъективация своего пола» и т. д. Таким образом, Лакан привносит в теоретическое психоаналитическое поле идею о субъективации как активном процессе.

Однако в дальнейшем мы увидим, как начиная с середины 1960-х годов Лакан отворачивается от этого понятия. Он даже начнет с подозрением относиться к «субъективизму», предпочитая отныне более «объективные» подходы к субъекту (более «научные»), такие как структурная антропология или структурная лингвистика. Но это не стало препятствием для того, чтобы в настоящее время идея о субъективации превратилась в основную цель действий психоаналитика. Следует также отметить, что, по существу, понятие «субъективация» является крайне сложным – это объект «летучая мышь», подобную метафору Лакан использовал, когда говорил о влечении.

Мы знаем, что Фрейд любил сравнивать свой научный подход с физикой, хотя по мере развития его идей и появления новых данных, полученных благодаря клиническому опыту, он начинал ставить под вопрос свои более ранние концепции. Он был свидетелем, на глазах у которого происходило становление квантовой физики, благодаря новому опыту появилась возможность определить знаменитые комплексные природные объекты, которые были названы так ввиду того, что нужно было использовать различные экспериментальные приборы для того, чтобы уловить их различные свойства; таким образом, единого способа теоретического осмысления и объяснения теперь было недостаточно, чтобы понять сложную природу этих явлений. Мы знаем, что свет был первым объектом, который исторически рассматривался как комплексное явление ввиду его двойной природы – волновой и корпускулярной, наблюдения за различными свойствами были возможны благодаря использованию разных приборов.

Представление о субъективации как о комплексном природном объекте, используя в качестве опоры теоретические взгляды Фрейда, позволяет лучше увидеть присущую ей сложность и многозначность. И действительно, кажется, что фрейдовское мышление всегда развивалось между по меньшей мере двумя основными опорными точками. С одной стороны, он никогда не отказывался от представлений об индивидуальном организме, психическом аппарате, выстроенном по модели иерархически организованной нервной системы, описанной Хьюлингсом Джексоном, внутри которого развиваются качества души. Как хороший нейропсихолог Фрейд выстроил на этом материалистическом фундаменте свой научный подход.

Но мы также видим, что начиная с 1895-го и до 1938 года Фрейд регулярно обращается к тому, что он называет «жизнь души» (*Sielenleben*), которая начинает развиваться через первичное взаимодействие младенца со своим родителем-партнером, от которого зависит сохранение и поддержание его жизни, в это раннее взаимодействие постепенно начинает включаться язык, не только жесты, но и слова, которые наделяют взаимодействие смыслом.

Таким образом, психоанализ развивается через напряжение между теорией и практикой, между индивидуальным-органическим-нарциссическим полюсом (американская *one body psychology*) и идеей о том, что субъективация зарождается в процессе раннего взаимодействия младенца и его родителя-протагониста.

Таким образом, мы можем говорить о невероятной многозначности психоаналитической теории. Фрейд никогда не переставал показывать сложность и комплексность своей теоретической системы, от «Толкования сновидений» (1900) до «Конструкций в анализе» (1938), особенно подчеркивая важность языковой символизации и роли родителей в формировании Сверх-Я. Очевидно, что когда Фрейд-нейрофизиолог открыл воздействие межличностных отношений на развитие ребенка, тогда он смог поверить в возможную эффективность лечения словом (*talking cure*), которое может изменить психическую экономию пациентов. То, что Фрейд

всегда использовал термин *vie d'âme* (*Seelenleben*) для определения психической жизни человека, возможно, было его способом (парадоксальным) еще больше подчеркнуть свое материалистическое убеждение в том, что психическая жизнь, объект его исследования, несмотря на свою невероятную сложность, не несет в себе ничего сверхъестественного. Он много раз высказывал свое убеждение в том, что психоаналитическое наблюдение, благодаря которому постепенно начинают выделяться правила, описывающие так называемую жизнь души, должно в конце концов занять свое место среди естественных наук.

Сложность и комплексность подхода приводят к тому, что, если сейчас кто-то называет себя фрейдистом, он должен постоянно держать в голове эти два полюса, два редуктора, два средства для проявления. Быть психоаналитиком – значит в первую очередь запретить себе «*бить на ощупь*», другими словами, не быть на стороне невыразимого, мистического (без сомнения, в этом был основной момент расхождения с Юнгом), считая *метафизическим* (за пределами законов природы) то, что может пока ускользнуть от понимания.

С другой стороны, аналитик должен также отбросить то, что кажется псевдонаучным, в чистой форме материальным, как классификация, предложенная в DSM 4 или 5. Как если бы приведение многочисленных симптомов под общий знаменатель четкой классификации, сокращение их количества и при этом незнание смысла, который несет в себе симптом, могли бы помочь достичь большей научной субъективности. Мы скорее можем увидеть здесь конкретную иллюстрацию знаменитой китайской поговорки – «когда палец показывает на Луну, глупец смотрит на палец».

Действительно, можно сказать, что психоанализ родился тогда, когда Фрейд сделал открытие о том (после 1895 года), что длительный терапевтический эффект от его работы с пациентами зависит от понимания пациентами смысла их истерических симптомов, а не от усилий, направленных на «облегчение» симптомов через использование различных катартических приемов, приводящих к разрядке, но эффект при этом не является долгосрочным.

Благодаря этому открытию появляется психоаналитический метод и его основное правило – свободных ассоциаций. В этих новых условиях стало возможным лучшее понимание субъективного развития как природного объекта. Это также дает возможность увидеть, что действия по субъективации представляют собой комплексный и парадоксальный процесс. Когда мы говорим, что кто-то что-то субъективирует, это в первую очередь наводит на мысль о присваивании своего собственного опыта. Это активная сторона в процессе, который способствует усилению Я в том смысле, который подразумевался Фрейдом в работе «Отрицание» (1925): «Это то, что я хочу включить в Я», а не исключить из Я.

Но одновременно с этим движение вперед, в сторону лучшей субъективации своей жизни, предполагает и другую расстановку. По мере того как анализант в процессе сеансов двигается вперед, у него появляется способность лучше *признавать в себе субъекта, который подчиняется*,

то есть у него развивается *пассивация*. Эта способность усиливается в процессе терапии и проявляется затем на протяжении всей жизни. Если процесс субъективации состоит из присваивания своих собственных бессознательных влечений, эта работа одновременно приводит пациента к принятию того, что его определяет как субъекта, принятию того, что есть моменты, когда он занимает пассивную позицию, *подчиняется*. Исходя из этого мы видим, что субъективация развивается в процессе лечения через усиление способности пациента к лучшей *пассивации*, начиная с того, что он признает себя тем, кто подчиняется, и отдается потоку свободных ассоциаций, который приносит новые смыслы. В целом речь идет о том, чтобы стать субъектом своего собственного бессознательного дискурса, который выкристаллизовывается в каждом из нас, начиная от самого раннего опыта взаимодействия с партнерами-родителями (и их бессознательными). Это то, что Фрейд стремился показать через анализ сновидений, образование симптомов и, разумеется, перенос.

Термин *пассивация*, предложенный Грином (1980), представляет собой невероятно ценный теоретический вклад, поскольку он позволяет увидеть различия между пассивацией и простой пассивностью. Термин «*пассивация*», который обозначает активный поиск пассивного удовлетворения, позволяет лучше понять то, что происходит в переломный момент субъективирующего переворота, который Фрейд показал нам в статье «Влечения и их судьбы» (1915).

Я хотел бы здесь подчеркнуть (Penot, 2001), что именно тогда, когда Фрейд описывает время, где влечения направляются в сторону поиска удовлетворения пассивным способом, он вводит термин «субъект» (subjekt): «новый субъект», говорит он, который находится за пределами своего Я, своей личности, удовлетворяет просьбу о пассивном удовлетворении. Фрейд приходит к выводу, что эта субъективирующая пассивация (активная) описывается через выражение «сделать так, чтобы другой сделал что-то со мной» (сделать так, чтобы быть увиденным, сделать так, чтобы взяли на руки, и т. д.), таким образом, он увидел, что эта позиция соответствует тому, что он называл «женской позицией у обоих полов». Обращение к подобному субъективирующему потенциалу женского необходимо для того, чтобы лучше понять, как развивается психоанализ, используя себе во благо качества женского. Таким образом, Фрейд приходит к выводу, что возможное развитие субъективности происходит благодаря повторяющемуся опыту двойного оборота влечений: активное-пассивное и возвращение влечений к своему телу, аутоэротизм. Кроме того, под этим же углом зрения он рассматривал процессы, которые повторяются в анализе в динамике переноса-контрпереноса.

Мы видим, что, поскольку субъективация предполагает принятие позиции подчинения, она представляет собой процесс гораздо более сложный, нежели простое усиление Я. Поэтому перевод на французский язык известной фразы Фрейда *Wo Es war, soll Ich werden* вызывал в свое время жаркие споры. Первый вариант перевода – «Я должно заменить Оно» («Я» и «Оно» были переведены как существительные с определенным артиклем) – подвергся сильной критике, в особенности принимая во

внимание тот факт, что Фрейд не использовал в этом выражении существительные с артиклем *das Ich* и *das Es*. Сейчас более распространен другой перевод с немецкого: «Там, где было Оно, должно стать Я». Эта формулировка дает представление о том, что представляет собой процесс субъективации.

Конечно же, неслучайно в 1915 году в статье, посвященной влечениям, Фрейд много раз использует термин «*субъект*» (*subjekt*), при этом данный термин всего лишь три раза используется в остальных его текстах! Для того чтобы лучше понять суть новой теории влечений, Фрейд считает необходимым подчеркнуть фундаментальную мысль о том, что человеческий младенец появляется на свет в гораздо более незрелом, «недоношенном» состоянии по сравнению с другими высшими млекопитающими. Эти млекопитающие при рождении оснащены определенным набором инстинктов, что позволяет им достаточно быстро самостоятельно обеспечивать свое выживание. По сравнению с ними врожденные рефлексы младенца немногочисленны, и они достаточно быстро исчезают, как, например, карпопедальный рефлекс, за исключением инстинкта сосания.

И только в процессе взаимодействия со взрослым, который о нем заботится и от которого зависит его жизнь, младенец начинает создавать влечения, приходящие на смену инстинктам, постепенно переплетающиеся, создающие глубинную основу для всех последующих отношений.

Характеристики, данные Фрейдом человеческим влечениям, отличаются от характеристик инстинктов. В первую очередь постоянная сила, давление влечений отличает влечения от инстинктов животных, носящих прерывистый сезонный характер. С другой стороны, конечная цель влечений – получение удовлетворения, а не размножение, которое является целью инстинкта у животных. И, наконец, объект влечения, согласно Фрейду, является заменяемым, что делает возможным получение удовлетворения с помощью сублимации, – способ, свойственный лишь человеку.

На основании всего вышесказанного мне кажется важным подчеркнуть, что в течение последних десятилетий был пройден значительный путь, мы наблюдаем эволюцию взглядов относительно биологического детерминизма, в особенности генетических эффектов. Появляется понятие эпигенеза и вместе с ним идея о том, что ранний опыт является фактором, необходимым для стимуляции генов у млекопитающих.

Признание эпигенеза, как мне кажется, является настоящим кислородным баллоном для дальнейших перспектив, будущего психоаналитической практики, которая, кажется, находилась под угрозой в конце XX века из-за возрастающего влияния биологического детерминизма. Если большинство инстинктов, по крайней мере у высших млекопитающих, могут запуститься при условии их активации в раннем опыте, этот факт можно считать причиной, почему незрелый человеческий младенец практически лишен долгосрочного оснащения инстинктами. Значение раннего взаимодействия отныне рассматривается как основа субъективного развития.

В заключение статьи, посвященной психоаналитическому акту, я хотел бы – с риском показаться парадоксальным – еще раз подчеркнуть важность пассивной составляющей в действиях психоаналитика. Хочу еще раз подчеркнуть, что пассивация должна быть базовой характеристикой психоаналитика, способностью, которой он обладает до того, как он будет способствовать появлению этой способности у пациента. Мы видим, что по мере развития процесса субъективации у пациента он все больше зависит от способности аналитика быть восприимчивым для переноса, выносить его. Это значит, что пассивация и способность подчиняться должны в первую очередь присутствовать у аналитика.

Интересно наблюдать, как Фрейд достаточно явно рассматривает подобный взаимный процесс. Он, без сомнений, говорит, что и сам аналитик должен «отдаться» процессу во время сеанса (*Freud, 1922, p. 187*) и не ограничиваться лишь предписаниями (в одностороннем порядке) пациенту останавливаться лишь только на его собственных суждениях.

Не будем также забывать о том, что и один, и другой, аналитик и пациент, должны принять кадр аналитического лечения и подчиниться ему, это один из аргументов против аналитической практики с нефиксированной продолжительностью сеансов, поскольку здесь решение об окончании сеанса принадлежит аналитику. Таким образом, обозначая опыт пассивации и взаимного воздействия как определяющий для прогресса субъективации, я завершаю мою статью, цель которой – способствовать лучшему пониманию специфики действий психоаналитика или психоаналитического акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Canestri G.* (2004) Le processus psychanalytique, in *Revue Française de Psychanalyse*, N°5 (spécial congrès), 2004. PUF, Paris, p. 1495.
2. *Freud S.* (1906) Le délire et les rêves dans la *Gradiva* de Jensen, O. Compl., vol. VIII.
3. *Freud S.* (1912) Sur la dynamique du transfert, O. Compl., vol. XI, p. 105–116.
4. *Freud S.* (1914) Remarques sur l'amour de transfert, O. Compl., vol. XII, p. 197.
5. *Freud S.* (1915) Pulsions et destins, *Œuvres complètes*, PUF, vol. XIII, p. 172.
6. *Freud S.* (1918) Les voies de la thérapie psychanalytique, O. Compl., vol. XV, p. 97.
7. *Freud S.* (1922) *Psychanalyse et théorie de la libido*, O. Compl., vol. XVI, p. 187.
8. *Freud S.* (1924) Les résistances contre la psychanalyse, O. Compl., vol. XVII, p. 123.
9. *Freud S.* (1925) La Négation, *Œuvres Complètes*, PUF, vol. XVII, p. 165.
10. *Freud S.* (1932) Décomposition de la personnalité psych., O. Compl., vol. XIX, p. 163.
11. *Freud S.* (1937) Constructions dans l'analyse, *Œuvres Complètes*, vol. XX, p. 57.

12. *Godfrind J. et Haber M.* (2002) L'expérience agie partagée, in *Revue Française de Psychanalyse*, N°5 (spécial congrès), 2002, PUF, Paris, p. 1417.
13. *Green A.* (1980) Passions et destins des passions, in *Nouvelle Revue de Psychanalyse*, N°21, repris dans *La folie privée*, édit. Gallimard, p. 186.
14. *Lacan J.* L'acte psychanalytique, séminaire de Juin 1968 (inédit).
15. *Lacan J.* (1969–1970) L'envers de la psychanalyse (dit Les quatre discours I), édit. Seuil.
16. *Penot B.* (1989) Figures du déni – en deçà du négatif, édit. Dunod, réédité chez Erès, 2003.
17. *Penot B.* (2001) La passion du sujet freudien, éditions Erès, Toulouse.
18. *Petrella F.* (2004) Procéder en psychanalyse. Images, modèles et mythes du processus, in *Revue Française de Psychanalyse*, N°5, PUF, Paris, p. 1555.
19. *Winnicott D.* (1962) The aims of psychoanalytical treatment, in *The Maturationnal Processes and the Facilitating Environment*, London, Hogarth Press, p. 167.

Psychoanalytic act or psychoanalyst's actions in the service of the process of subjectivation

Bernard Penot

(Translated from French: Olga Chekunkova)

Bernard Penot, psychiatrist, training analyst, titular member of Psychoanalytical Society of Paris, medical director of the day hospital for adolescents du Parc Montsouris (14th district of Paris) from 1988 to 2004.

Acknowledging the psychoanalyst's active role in the treatment process is a prerequisite for determining the specifics of the psychoanalytic act, that is, what distinguishes psychoanalysis from other psychotherapeutic approaches. First of all, it is important to consider what characteristics inherent in the psychoanalyst create special conditions for the beginning of the analysis, when the analyst offers himself as an object for transfer.

Then, in the process of treatment, he must maneuver between, on the one hand, the need to perceive, accept and endure the transference without prejudice, on the other hand, he must at a certain moment be able to interpret the transference ("refute") in order to make it subjective and accessible for patient understanding.

Keywords: interpretation, subject, supposed to know, desire of analyst, transference and countertransference, analytical process, subjectivation.